

Иньиго-Мора И.
Севиля, Испания
Перевод Е.Е. Аникина

**ВЫБОР МЕСТОИМЕНИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются культурные различия, представленные в политических интервью и конструируемые политиками с помощью личных местоимений первого лица. Для анализа были выбраны три интервью, взятых приблизительно в одно время (21 апреля 2003, 16 ноября 2003, 30 мая 2004) на фоне международного конфликта (войны в Ираке). В качестве интервьюируемых были выбраны три представляющих разные нации политика (Х.М. Аснар, Дж. У. Буш и Тони Блэр), каждый из которых занимал в своей стране самую высокую политическую должность.

Ключевые слова: выбор местоимений, политическая стратегия, эквивокация, вопрос коммуникативного конфликта.

Сведения об авторе: Изабель Иньиго-Мора, доктор философии, профессор.

Место работы: Севильский университет.

Контактная информация: Dpto. Filologia Inglesa, Facultad de Filologia, University of Seville, C/Palos de la Frontera, s/n, 41004, Sevilla, Spain.

E-mail: isabelin@us.es.

Сведения о переводчике: Аникин Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Контактная информация: 454071, г. Челябинск, ул. Салютная, д. 17, кв. 93.

E-mail: ewganik_chel@mail.ru.

1. Введение. Хорошо известно, что политики обычно отвечают не на все вопросы, которые им задают [Blum-Kulka 1983; Bull 1994; Bull and Mayer 1993; Clayman 1993 и 2001, Harris 1991]. Как отмечает Х. Вернер [Werner 1989: 115], «негативное общественное мнение относительно политического поведения отдельных политиков в большой степени связано с особенностями использования ими языка». С целью изучения конкретных политических стратегий, используемых политиками, я решила сфокусировать внимание на трех конкретных политиках из трех разных стран: Хосе М. Аснаре (Испания), Джордже Буше (США) и Тони Блэре (Великобритания), каждый из которых занимал высшие государственные должности. Указанные телевизионные интервью были записаны в период между 16 ноября 2003 г. и 30 мая 2004 г. По утверждению Анны Де Фина [De Fina 2003: 52]:

(...) посредством манипуляций с местоимениями, говорящие могут также передавать едва различимые социальные значения, которые имеют отношение к их социальной идентичности или к их положению по отношению к иным собеседникам, как присутствующим, так и потенциальным, а также обсуждаемым знаниям и темам.

Iñigo-Mora I.
Seville, Spain

Translated by E.E. Anikin

**PRONOMINAL CHOICE
IN POLITICAL INTERVIEWS**

ГЧТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.04

Abstract. The article discusses cultural differences found in political interviews and constructed by politicians by the choice of first person pronouns ("I" and "we"). I have selected three political interviews which took place around the same time (21st April 2003, 16th November 2003 and 30th May 2004) during the same international conflict (the Iraqi war), but which featured three different interviewees of three different nationalities. Nonetheless, these interviewees share a common characteristic: they held/hold the highest political status in their countries. These interviewees are: Mr. José M. Aznar, Mr. George W. Bush and Mr. Tony Blair.

Key words: pronominal choice, political strategy, equivocation, the issue of communicative conflict.

About the author: Isabel Iñigo-Mora, PhD, professor.

Place of employment: University of Seville.

Place of employment: University of Seville, C/Palos de la Frontera, s/n, 41004, Sevilla, Spain.

About the translator: Anikin Evgeniy Evgenijevich, candidate of philology, senior teacher.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Таким образом, конкретные задачи, стоящие перед данной главой, состоят в попытке определить, в какой степени кросс-культурное исследование подобного рода способно выявить, насколько манипуляции с местоимениями (1) зависят от фактора контекста и (2) зависят от фактора межличностных отношений. С этой целью я намереваюсь исследовать все возможные различия и / или сходства при использовании местоимений первого лица тремя разными политическими лидерами.

Я также намереваюсь объяснить выбор конкретных местоименных ссылок посредством прагматической сущности задаваемого вопроса. Я буду использовать термины «вопрос КК (коммуникационного конфликта)» и «эквивокация» (уклонение от прямого ответа), приводимые в книге [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990]. Как разъясняет П. Булл [Bull 2003: 592], вопрос КК представляет собой «вопрос, все возможные ответы на который предполагают потенциально негативные последствия, однако ответ на который все равно ожидается»; в книге [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990] эквивокация определена как «...непрямая коммуникация; она представляется двусмысленной, про-

тиворечивой, отклоняющейся от темы, непонятной или даже уклончивой». [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990:28]. В ходе анализа 15 различных телевизионных политических интервью, Булл [Bull 2003] выделил 35 различных форм эквивокаций.

2. Эквивокация. Как указывает Клэйман [Clayman 2001: 403] «существует распространенное мнение, что политики зачастую ведут себя уклончиво, когда им задают вопросы новостные СМИ, и данное мнение не лишено оснований. Особый интерес представляет процедура кодирования, описанная Буллом и Майером [Bull and Mayer 1993] для анализа причин неспособности политиков ответить на определенные вопросы. На основе восьми телевизионных политических интервью, записанных в ходе кампании накануне всеобщих выборов 1987 г. в Великобритании, Булл и Майер провели сопоставительный анализ двух политиков – Маргарет Тэтчер (Премьер министр от Консервативной партии, 1979-1990 гг.) и Нила Киннока (лидера оппозиции – Лейбористской партии – 1983-1992 гг.). Данный анализ показал, что оба политика не смогли ответить на значительную долю вопросов, заданных им (Тэтчер – на 56% вопросов, Киннок – на 59% вопросов). Их классификация включает 11 категорий и 30 подкатегорий. Важно заметить, что отсутствие ответа может быть классифицировано в рамках различных категорий. Более современная классификация представлена в работе (Bull 2003).

Как уже отмечалось выше, Булл [Bull 2003: 592] разъясняет, что вопрос КК представляет собой «вопрос, все возможные ответы на который предполагают потенциально негативные последствия, однако ответ на который все равно ожидается»; в книге [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990] эквивокация определена как «...непрямая коммуникация; она представляется двусмысленной, противоречивой, отклоняющейся от темы, непонятной или даже уклончивой». [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990: 28]. Там же [Bavelas, Black, Chovil and Mullett 1990] указывается, что в любой коммуникативной ситуации индивид попадает в «коммуникативное поле», т.е. становится перед выбором одного из нескольких потенциально возможных коммуникативных путей. Кроме того, данное «коммуникативное поле» определяется социальными факторами, которые формируют коммуникацию (т.е. другие люди и контекст, в рамках которого происходит взаимодействие). Авторы указывают, что «любой выбор пути или опции, составляющих поле, чреват последствиями для индивида. Он вносит необратимые изменения в поле» [1990: 56]. В некоторых ситуациях индивид сталкивается с негативными альтернативами, что называется ситуацией конфликта типа «избегание-избегание», и в данном случае лучшей опцией становится эквивокация – уклонение от прямого ответа.

Весьма распространенной ситуацией, заставляющей людей прибегать к уклонению, является ситуация конфликта типа «горькая правда». В такой ситуации индивиду необходимо сделать выбор: сказать «красивую неправду» или «горькую правду». Случается также так, что индивид оказывается в ситуации необходимости сделать выбор, что приведет к недовольству одного из двух людей (или одной из двух групп), желающих слышать разные ответы. Возможной вариацией конфликта типа «горькая правда», имеющей непосредственное отношение к решаемым нами задачам, является ситуация, при которой правда вступает в конфликт с собственными интересами говорящего. Принимая во внимание особенности анализируемого дискурса (политического дискурса), мы можем добавить, что данная правда может вступать в конфликт с собственными интересами политической группы.

3. Формы обращения. Как видно из таблиц 1 и 2, в испанском языке (как и в английском) имеется единственная форма местоимения первого лица единственного числа «yo» («I» – «я»), а также местоимение первого лица множественного числа «nosotros» («we» – «мы»). Что касается второго лица, испанский язык предоставляет альтернативу: неформальное «tú» («you» – «ты»), а также вежливое «Usted» – «usted». Данные местоимения имеют две возможные формы множественного числа: «vosotros» (неформальное «ты» во множественном числе – неформальное «вы»), а также «ustedes» (формальное «Вы» во множественном числе). Третье лицо обычно обозначается с помощью «él» («он», «he») или «ella» («она», «she») в единственном числе, с помощью местоимения «ellos» («они», «they») во множественном числе.

Таблица 1.

Личные местоимения в испанском языке			
	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо
Единственное число	Yo	Tú Usted (вежл.)	Él Ella Uno (неопр.)
Множественное число	Nosotros	Vosotros Ustedes (вежл.)	Ellos

Таблица 2.

Личные местоимения в английском языке			
	Первое лицо	Второе лицо	Третье лицо
Единственное число	I	You	He She One/You (неопр.)
Множественное число	We	You	They

В данном анализе я принимаю в расчет не только эксплицитные местоименные ссылки, но и глагольное согласование и притяжательные местоимения, поскольку испанский является языком с опущением субъекта, где прямые местоимения могут быть опущены, а ссылка может быть выведена при помощи морфологии.

При обсуждении «стратегии негативной вежливости», Браун и Левинсон [Brown and Levinson 1987: 178] включают стратегию под названием «прояви почтительность». Негативное общественное лицо представляет собой желание сохранить независимость, а стратегии негативной вежливости созданы для защиты другого лица, когда потребностям негативного общественного лица угрожает опасность. В целом, как они объясняют:

Существует две стороны медали при проявлении почтительного отношения: первая, при которой некто S принимает и уничтожает себя, и другая, при которой некто S преподносит H (оказывает H такие знаки уважения, которые отвечают стремлению H пользоваться привилегиями более высокого статуса). В обоих случаях доносится информация о более высоком социальном статусе H в сравнении S.

Затем они также добавляют, что «феномены проявления почтительности, пожалуй, представляют собой наиболее очевидное проникновение социальных факторов в структуру языка в виде форм вежливости» [Brown and Levinson 1987: 179]. Они подчеркивают, что то же самое относится к использованию званий и имен в форме обращений вне коммуникативной ситуации приветствия или функции привлечения внимания. Они даже упоминают форму «господин президент» в политическом дискурсе. В таблице 3 указан список обращений, обычно используемых в испанском и английском языках.

Таблица 3.

Обращения в испанском и английском языках		
	Испанский язык	Английский язык
Мужской род	Señor (Sr.) Don (D.)	Mister (Mr.) Sir
Женский род	Señora (Sra.) Señorita (Srta.)	Mrs. Miss Ms. Madam

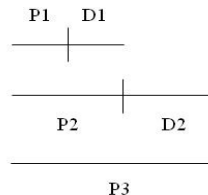
Как указывает Иньиго-Мора [Íñigo-Mora 2004: 35], «та неопределенность, которая характерна для формы первого лица множественного числа, заставила Байбера [Biber et al. 1999] сделать вывод, согласно которому задача определения того, кого подразумевает местоимение, ложится на плечи самого адресата». В этом плане очень полезна теория, разрабатываемая Камио [Kamio 1994, 1995, 1997, 2001]. В целом, как поясняет Камио, если индивид счита-

ет, что некоторая порция информации находится внутри его / ее территории, он / она будет использовать лингвистические стратегии, отличные от тех, которые он использовал бы в ситуации, когда данная порция информации была вне его/ее территории. Принимая во внимание данную теорию информации, Камио [Kamio 2001] провел анализ различий между английским и японским языками в плане общеродового и неспецифического использования личных местоимений. Прежде всего, автор делает различие между P₂ и D₂, где P₂ относится к близкой к адресанту территории, а D₂ – к далекой от адресанта территории. Во-вторых, он выделяет в рамках P₂ особую подобласть, которую он называет «коммуникационным пространством» (т.е. адресант и его/ее окружающее пространство). И наконец, он делит данную подобласть на P₁ и D₁, представляющие территории адресанта и адресата соответственно.

Принимая во внимание данную теорию, я создала схему (см. рис. 1), иллюстрирующую различные типы местоимения «we» – «мы»:

4. Интервью. Данные, собранные для настоящего исследования, включают в себя записи трех интервью, сделанные в период с 21 апреля 2003 г. по 30 мая 2004 г. Источником речевых данных, использованных в исследовании, являлись записи BBC. Таблица 4 демонстрирует особенности данных трех записей.

Рис. 1.

где, P1 = территория адресанта

D1 = территория адресата

P2 = коммуникационное пространство: инклюзивное «мы»

D2 = отдаленное пространство: внешнее «мы»

P3 = все человечество: общее «мы»

Таблица 4.

Полные записи			
Лицо, дающее интервью	Тони Блэр (Великобритания)	Джордж Буш (США)	Хосе М. Аснар (Испания)
Корреспондент, берущий интервью	Дэвид Фрост	Дэвид Фрост	Альфредо Урдаси, Бальтасар Магро, Мануэль Вентеро
Дата	30.05.2004	16.11.2003	21.04.2003
Канал	BBC1	BBC1	TVE 1
Кол-во слов	5 263 слов	5 063 слов	5 532 слов
Время	25' 03''	27' 14''	31' 42''
Кол-во реплик	48	41	26

Я исходила из того, что лучший способ собрать максимально однородный материал заключается в максимально возможном ограничении темы. Принимая во внимание, что (1) во всех интервью уделяется достаточно много времени (в среднем около 15 минут) конфликту в Ираке, а также то (2), что рассматриваемые нами три политика сформировали всем известную коалицию против терроризма, я решила уделить основное внимание данной теме. Таблица 5 иллюстрирует некоторые детали моих данных:

Таблица 5.

Лицо, дающее интервью	Тони Блэр (Великобритания)	Джордж Буш (США)	Хосе М. Аснар (Испания)
Кол-во слов	3 086 слов	3 114 слов	2 858 слов
Время	15' 19''	16' 45''	15' 57''
Кол-во реплик	24	24	16
Кол-во вопросов	15	18	12

5. Результаты.

5.1. Вопросы КК и эквивокация. Таблица 6 демонстрирует процент КК и эквивокаций (уклонений от ответа), обнаруженных в каждом отрывке. Данный процент был вычислен с учетом общего количества вопросов (в данном случае, вопросов КК), а также всех вопросов КК (в случае эквивокационных ответов), заданных корреспондентами.

Таблица 6.

	Вопросы КК	Эквивокация (уклонение от ответа)
БЛЭР	53,3% от общего кол-ва вопросов	87,5% от общего кол-ва вопросов КК
БУШ	55,5% от общего кол-ва вопросов	70% от общего кол-ва вопросов КК
АСНАР	50% от общего кол-ва вопросов	83,3% от общего кол-ва вопросов КК

5.2. Ссылка «You» («ты, вы») в вопросах.

Я попыталась найти все случаи употребления местоимения «You» в вопросах корреспондентов Блэру, Бушу и Аснару. Было обнаружено 82 примера. Они были расклассифицированы на две отдельные группы: одна из этих групп включала только вопросы КК, другая – только вопросы не-КК. Затем я пересчитала частотность использования местоимения «You» в вопросах КК и в вопросах не-КК. В таблице 7 указаны результаты данного количественного анализа:

Таблица 7.

	В вопросах КК	В вопросах не-КК
БЛЭР	1,4 в вопросах КК	1,3 в вопросах не-КК
БУШ	1,9 в вопросах КК	1,9 в вопросах не-КК
АСНАР	1,7 в вопросах КК	2,3 в вопросах не-КК

5.3. Ссылка «I» в ответах. Я попыталась найти все случаи употребления местоимения «I» («я») в ответах Блэра, Буша и Аснара. Было обнаружено 172 примера. Они были сгруппированы в две отдельные категории: первая включала местоимения, произнесенные в уклончивых ответах, а вторая – те, которые были употреблены в прямых ответах. Затем я рассчитала частотность использования местоимения «I» в уклончивых ответах и в прямых ответах. В таблице 8 указаны результаты данного количественного анализа:

Таблица 8.

	Эквивокация (уклонение от ответа)	Прямой ответ
БЛЭР	4,3 на эквивокацию	3,1 на прямой ответ
БУШ	4 на эквивокацию	5,5 на прямой ответ
АСНАР	2,6 на эквивокацию	2,1 на прямой ответ

5.4. Ссылка «We» («мы») в ответах. Точно так же, как и ранее, я попыталась найти все случаи употребления местоимения «we» («мы») в ответах Блэра, Буша и Аснара. Было обнаружено 156 примеров. Затем они были сгруппированы в две отдельные категории: первая включала местоимения, произнесенные в уклончивых ответах, а вторая – те, которые были употреблены в прямых ответах. Впоследствии я рассчитала частотность использования местоимения «we» («мы») в уклончивых ответах и в прямых ответах. Вот результаты, которые я получила:

Таблица 9.

	Эквивокация (уклонение от ответа)	Прямой ответ
БЛЭР	3,4 на эквивокацию	3,5 на прямой ответ
БУШ	2,6 на эквивокацию	1,5 на прямой ответ
АСНАР	3,8 на эквивокацию	7,1 на прямой ответ

В целом, удалось выявить три основных типа местоимения «we»: (1) Экзистенциальное «we» (Далее по тексту – «Exist.We»), (2) Общественное «we» (Далее по тексту – «Gen.We»), и (3) Внешнее «we» (Далее по тексту – «Ext.We»). Первый тип соответствует такому виду местоимения «we», который можно перефразировать предложением вида «there is/are». Например:

(1) BLAIR: It is. I mean **we've got** a principle now of two states, Israel and Palestine, and the Palestinian state has to (...)

В данном примере часть «we've got a principle now of two states» («у нас есть принцип двух государств») могла бы быть заменена на «there are two states» («существует два государства») без особого изменения смысла исходного утверждения. В связи с тем, что (1) я обнаружила только 6 примеров и (2) что указательные характеристики данного вида «we» весьма небогаты, я не стану проводить детальный анализ данного вида из соображений объема.

Общеродовое «we» имеет наиболее широкий охват, поскольку оно включает все человечество (которому угрожает опасность) целиком. В следующем примере Аснар говорит о желании, разделяемом всем человечеством, коим является желание невоенного решения конфликта в Ираке.

(2) AZNAR: (...) *a todos nos hubiera gustado una solución distinta. A todos nos hubiera gustado que (...)*
 '(...) we all would have liked a different solution. We all would have liked that (...)'

(...) мы бы все желали другого решения. Мы бы все этого хотели (...)

Наконец, внешнее «мы» («we») имеет в качестве области охвата весьма удаленную территорию как от адресанта, так и адресата, т.е. «некоммуникационное пространство». В зависимости от сущности референта, оно может быть разделено на шесть основных подтипов:

Политическое «мы» («Pol.We»): Я + моя политическая группа (во всех указанных случаях, правительство).

«Мы» коалиционных сил («Co.For.We»): Я + страны, борющиеся с терроризмом.

Националистическое «мы» («Nat.We»): Я + весь британский / американский / испанский народ.

«Мы» Блэра и Буша («Ton.We»): Я + Тони Блэр.

«Мы» Объединенных Наций («UN.We»): Я + Объединенные Нации.

Европейское «мы» («Eu.We»): Я + все европейцы.

Таблица ниже показывает распределение различных типов местоимения «мы». Все случаи были нами разделены на две группы – эквивокационные и не-эквивокационные. Первая группа включает в себя все те случаи употребления местоимения «мы», когда ответ классифицируется как «эквивокация» («уклонение от ответа»), тогда как вторая группа включает те случаи, когда использован «настоящий» ответ (т.е. прямой).

Таблица 10.

Типология и процентное соотношение местоимения «We» («Мы»)

	Уклончивый ответ	Прямой ответ
БЛЭР	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 13 (54,1%) «Nat.We»: 5 (20,9%) «Gen.We»: 3 (12,5%) «Exist.We»: 3 (12,5%)	«Pol.We»: 13 (46,4%) «Co.For.We»: 4 (14,3%) «Nat.We»: 3 (10,7%) «Gen.We»: 6 (21,4%) «Exist.We»: 2 (7,2%)

БУШ	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 14 (77,9%) «Nat.We»: 2 (11,1%) «Gen.We»: 1 (5,5%) «Exist.We»: 1 (5,5%)	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 14 (82,4%) «Nat.We»: 2 (11,8%) «Gen.We»: 0 (0%) «Exist.We»: 0 (0%) «Ton.We»: 1 (5,8%)
АСНАР	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 0 (0%) «Nat.We»: 8 (42,1%) «Gen.We»: 0 (0%) «Exist.We»: 0 (0%) «UN.We»: 0 (0%) «Eu.We»: 11 (57,9%)	«Pol.We»: 0 (0%) «Co.For.We»: 8 (16%) «Nat.We»: 31 (62%) «Gen.We»: 4 (8%) «Exist.We»: 0 (0%) «UN.We»: 1 (2%) «Eu.We»: 6 (12%)

6. Обсуждение. Представляется, что нет сильных различий в частотности вопросов КК: 53,3% (Блэр), 55,5% (Буш) и 50% (Аснар). В отношении процентного соотношения уклончивых ответов на эти вопросы КК нами так же не было отмечено особых различий. Тем не менее, представляется, что Буш реже остальных уклонялся от ответа (70% в сравнении в 87,5% и 83,3%). Одним из возможных объяснений данного различия может служить тот факт, что у Блэра интервью брал британский журналист для британского телеканала, у Аснара интервью брали три испанских журналиста для испанского телеканала, тогда как у Буша интервью брал не американский журналист (а британский) для не американского (а британского) телеканала. Степень угрозы для интервьюируемого пропорциональна частоте уклонения от ответа: чем более он чувствует себя вовлеченным, тем более уклончиво он себя ведет при вопросах КК.

Что касается использования местоимения «you» в вопросах, мы не обнаружили особой разницы между вопросами КК и не-КК в случаях Блэра (1,4 и 1,3) и Буша (1,9 и 1,9). В случае Аснара, напротив, характерны значительные различия: показатель 1,7 при вопросах КК при показателе 2,3 при вопросах не-КК. В этой связи представляется интересным выделить важные различия между испанским и британским стилями: если испанские журналисты использовали форму «обращение + фамилия» («*Señor Aznar*» = «Господин Аснар») и/или «Президент» (т.е. *presidente*) в 75% всех вопросов, то Дэвид Фрост просто использовал обращение «Премьер Министр» (для Блэра) и «Господин Президент» (для Буша) в 20% и 16,7% случаев соответственно. Таким образом, представляется, что в плане дистанции между журналистом, берущим интервью, и политиком, который его дает, испанские журналисты выбирают более высокий уровень формальности. Дэвид Фрост, напротив, предпочитает более неформальную форму обращения «you» или же вообще не употребляет форму обращения второго лица: он не использует ни местоимение «you», ни обращение «Prime Minister» («премьер-министр») в 33,3% вопросов, адресованных Блэру; при

этом он не использует ни местоимение «you», ни обращение «Mr. President» («господин президент») в 27,8% всех вопросов, заданных Бушу. Испанские журналисты, напротив, использовали форму обращения второго лица в 83,4% всех вопросов. В тех случаях, когда Дэвид Фрост не использовал форму обращения второго лица, он делал выбор в пользу общих утверждений, с которыми Буш или Блэр должны были согласиться или не согласиться. В следующем примере Дэвид Фрост говорит Тони Блэру, что за последний год не было достигнуто значительного прогресса в вопросе урегулирования арабо-израильского конфликта:

(3) FROST: And, and in fact there hasn't been much progress in the last year or so, at all. So that's a real disappointment. / ФРОСТ: На самом деле, за последний год практически не было достигнуто никакого прогресса. Это очень разочаровывает.

Дэвид Фрост также задает Бушу вопросы следующего типа:

(4) FROST: No, but we really need the big discovery, don't we? / ФРОСТ: Нет, но нам действительно нужно большое открытие, не так ли?

(5) FROST: It's almost a guerrilla war there, really. / ФРОСТ: Это практически партизанская война, правда.

Перед репликой (4) Буш объясняет, что Дэвид Кэй обнаружил следы программ по созданию вооружения, и Фрост пытается убедить его в необходимости подтвердить данное открытие. В примере (5) Фрост информирует Буша о ситуации в Ираке.

Что касается частотности употребления местоимения «I» («я») в ответах, то мы не обнаружили практически никакой разницы между уклончивыми и прямыми ответами в случае Аснара (2,6 и 2,1 соответственно). Анализ данных по Блэру и Бушу, напротив, демонстрирует обратные тенденции: Блэр предпочитает чаще использовать местоимения первого лица в уклончивых ответах (3,1), тогда как Буш отдает предпочтение данной форме в прямых ответах (5,5). Как уже было отмечено ранее, данные политики также различаются в отношении процента уклончивых ответов: как Блэр, так и Аснар давали уклончивые ответы чаще, чем Буш. Теперь же представляется, что Блэр и Аснар склонны чаще употреблять местоимение «I» («я») в уклончивых ответах, чем в прямых ответах. Данный факт также зависит от типа аудитории, к которой они обращаются: они должны показать уверенность и убежденность своим гражданам. Дабы уравновесить данный недостаток ясности (т.е. переизбыток уклончивых ответов), они делают выбор в пользу стратегии акцентирования их собственных ролей (глав государств) и власти. В приведенном ниже примере Дэвид Фрост сообщает Блэру, что согласно опросам общественного мнения, его

рейтинг опустился ниже 33% и задает ему вопрос, не связывает ли Блэр данный факт с Ираком. Вот что отвечает Блэр:

(6) BLAIR: Yeah. I mean I've just been out for two days in the country round the north west and Yorkshire and what is interesting to me is that, yes Iraq is the shadow over our support – there's no doubt about that, there's no point in disputing that – but actually people do increasingly recognise the economy's stronger, there are more jobs, unemployment's down, the National Health Service is getting better, there's investment in our schools, there's extra numbers of police on the street.

So, you know, I think underneath whatever is the worry about Iraq, because I think people ask well do they have a plan to get through Iraq, I mean I think that's the thing that concerns people – and actually we do – I think that underneath that –

БЛЭР: Да. Я имею в виду, что я два дня ездил по стране – был на северо-западе и в Йоркшире – и мне показалось интересным то, что – да, тень Ирака витает над нами и оказывает влияние на наш рейтинг – в этом можно не сомневаться и нет смысла оспаривать это – но на самом деле, все больше и больше людей признает, что экономика становится сильнее, появляется все больше рабочих мест, безработица снижается, Государственная служба здравоохранения работает лучше, в школы идут инвестиции, на улицах – больше полицейских.

Поэтому я полагаю, в глубине – как бы люди не волновались из-за Ирака – потому что я думаю, люди задаются вопросом: а есть ли у них план действий по Ираку? Я имею в виду, я полагаю, что именно это заботит людей – и на самом деле, у нас есть план – я думаю, что в глубине...

Вопрос Фроста был вопросом КК, поскольку (1) Блэр не может сказать, что война являлась основной причиной, так как это бы означало, что он поступил очень неправильно, а также поскольку (2) Блэр не может сказать, что война не была основной причиной, так как все знают, что она была. Таким образом, он признает правомерность вопроса («Yeah»), но не дает настоящего ответа на вопрос. Вместо этого он делает политическое заявление.

Что касается частотности употребления местоимения «we» («мы») в ответах, то мы не обнаружили практически никакой разницы между уклончивыми и прямыми ответами Блэра (3,4 и 3,5 соответственно). Противоположная тенденция наблюдается в случаях Буша и Аснара: Буш предпочитает чаще использовать местоимение «we» («мы») в уклончивых ответах (2,6), а Аснар – в прямых ответах (7,1). Эти различия опять же связаны с особенностями интервью: у Аснара интервью берут испанские журналисты для испанского телеканала, тогда как у Буша интервью берет не американский журналист (а британский) для не американского (а британского) телеканала. При уклончивом ответе Буш предпочитает чаще использовать местоимение

«we» («мы») и реже использовать местоимение «I» («я»). Аснар же поступает наоборот: он чаще использует местоимение «я», реже – местоимение «мы». Личная политическая власть Буша в Великобритании минимальна; его легитимность основана на его личных отношениях с Тони Блэром и Аснаром в вопросе борьбы с терроризмом, что является причиной того предпочтения, которое он отдает местоимению «we» («мы»), предоставляющего ему «политическое убежище» в противовес уклончивому ответу. В следующем примере Дэвид Фрост задает Бушу вопрос о программе создания оружия:

(7) BUSH: (...) and we had to deal with him, and we did in a way, by the way, that was a compassionate way. We spared innocent life, we targeted the guilty, and we moved hard and fast, and very little of Iraq was touched in toppling Saddam Hussein.

БУШ: (...) и нам пришлось работать с ним, и мы, кстати, работали с ним, в своем роде, из сострадания. Мы спасли жизни невинных, мы атаковали виновных, мы двигались твердо и стремительно, и лишь небольшая часть Ирака была затронута при операции свержения Саддама Хусейна.

Вопрос Фроста является вопросом КК, поскольку он намекает на то, что большое открытие пока так и не сделано. Буш не может сказать да, поскольку это означает признание плохой работы службы разведки, а ответ *нет* не внушает доверия (т.е. им действительно необходимо большое открытие, чтобы оправдать войну). Вместо ответа на вопрос Буш атакует данную пресуппозицию и заявляет, что большое открытие уже было сделано.

Наконец что касается типологии и процентного соотношения местоимения «we» («мы»), первой особенностью данного корпуса является полное отсутствие так называемого инклюзивного «мы». Я не обнаружила примеров, в которых референтами данного местоимения были бы и журналисты, и политики одновременно. Данный результат отличен от результата, полученного в исследовании [Iñigo-Mora 2004] при анализе парламентского дискурса. В указанном исследовании было установлено, что до 14,6% всех случаев употребления местоимения «we» («мы») представляли случаи инклюзивного «мы». Как уже было указано выше, данный тип местоимения «we» («мы») соответствует «коммуникационному пространству», и поэтому, как представляется, имеет большое значение тот факт, обращается ли политик к другому политику в Палате общин или к журналисту на теле студии. Причина очевидна: когда речь идет о политических вопросах в Палате общин, у обоих парламентариев есть, что сказать, им обоим надо принимать решения, поэтому они оба в высшей степени вовлечены в ситуацию. При этом журналист, берущий интервью, совершенно не имеет политической власти и в этом

смысле его/ее роль незначительна. Как мы видим, контекстуальные факторы имеют значение при определении межличностной функции личных местоимений при их выборе в качестве политической стратегии.

Как уже указывалось ранее, мне удалось обнаружить 6 подтипов внешнего «мы»: политическое «мы» («Pol.We»); «мы» коалиционных сил («Co.For.We»); националистическое «мы» («Nat.We»); «мы» Блэра и Буша («Ton.We»); «мы» Объединенных Наций («UN.We») и европейское «мы» («Eu.We»). Интересно отметить, что существует прямая зависимость между темой беседы и наиболее часто встречающимся в ней типом «мы»: международный конфликт и внешнее «мы».

Первое, что необходимо отметить о распределении данных шести типов «мы», это то, что Блэр и Аснар делают разный выбор в зависимости от ответа. В уклончивых ответах Блэр предпочитает использовать «мы» коалиционных сил («Co.For.We») – 54.1%; Аснар же делает выбор в пользу европейского «мы» («Eu.We») – 57.9%. С другой стороны, при прямом ответе на вопросы, Блэр чаще использует Политическое «мы» («Pol.We») – 46.4%, а Аснар – националистическое «мы» («Nat.We») – 62%. Как нам представляется, Буш вновь отклоняется от нормы, поскольку не использует различных стратегий при уклончивых и прямых ответах. Данное наблюдение подтверждает наш предыдущий тезис: он беседует не с американским журналистом и его выступление транслирует не американский телеканал. Он не имеет непосредственных властных полномочий в данном ситуационном контексте, и поэтому он ищет «убежища» в своих союзниках и использует «мы» коалиционных сил («Co.For.We») в большинстве ответов. В следующем примере Буш отвечает на предположение Фроста о том, что ситуацию в Ираке можно охарактеризовать термином «партизанская война»:

(8) BUSH: (...) but nevertheless, they all have now found common ground for a brief period of time, and what we will do is we will use Iraqi intelligence, we will use Iraqi security forces (...).

БУШ: (...) но, тем не менее, им всем сейчас удалось прийти к общему мнению на непродолжительный период времени, и наш план состоит в том, что мы будем использовать иракскую разведку, мы будем использовать иракские силы безопасности (...).

Как видно из примера, Буш использует три «мы» коалиционных сил в одной строке с целью заручиться поддержкой союзников. Это вопрос КК: если он согласится, он признает, что конфликт будет весьма продолжительным (партизанские войны обычно продолжительны), но он не может не согласиться, поскольку тогда он потеряет доверие (так как очевидно, что это партизанская война). Буш уклоняется от прямого ответа посредством имплицитного ответа

(модифицирует вопрос, кажется несогласным с характеристикой конфликта в терминах партизанской войны, которую выдвигает Фрост).

С другой стороны, когда Блэр и Аснар уклоняются от ответа, они, как кажется, предпочитают «международное мы», как то, например, «мы» коалиционных сил («Co.For.We») и европейское «мы» («Eu.We»); при прямых ответах они предпочитают использовать «внутреннее мы», как то политическое «мы» («Pol.We») и националистическое «мы» («Nat.We»). Перед примером, указанным ниже, Аснару сказали, что его обвиняют в разрушении единства Европы:

(9) AZNAR: (...) *Sobre eso hemos cimentado nuestra estabilidad, nuestra libertad y nuestra prosperidad. Ojalá lo sigamos haciendo porque nos va en ello nuestra propia seguridad y nuestro propio interés.*

На этом **мы** создали **нашу** стабильность, **нашу** свободу, **наше** процветание. Я надеюсь, **мы** продолжим действовать точно так же, потому что от этого зависят **наша** безопасность и **наши** интересы.

В данном примере Аснар использовал европейское «мы» («Eu.We») восемь раз, когда говорил об основах европейской безопасности, свободы и процветания. Данный вопрос являлся вопросом КК, так как (1) он не может не согласиться, поскольку всем известно, что Европа была разделена, а Блэр и Аснар являются «агентами этого разделения» и (2) если же он согласится, его имидж будет поставлен под угрозу. Аснар игнорирует вопрос и вместо того, чтобы ответить на него, он начинает говорить об «истории» Европейского Союза, но ни слова не говорит о правомочности (или неправомочности) данной критики.

Существует историко-политическая причина, по которой Блэр использует «мы» коалиционных сил («Co.For.We») в уклончивых ответах, а Аснар – европейское «мы» («Eu.We»). Если британцы всегда ощущали связь с США, то испанцы, в общем и целом, всегда полагали, что чем больше они похожи на Европу, тем в большей степени европейцами они являются. В связи с историко-политическими причинами, Испания всегда ощущала некую отчужденность от остальной Европы, а самым большим желанием всегда было желание стать полноправным членом европейского сообщества. Поэтому лучшей стратегией для Аснара – чтобы уравновесить опасность вопроса КК и неясность уклончивого ответа – это обратиться к европейским чувствам.

С другой стороны, для прямых ответов Аснара и Блэра более характерны националистическое «мы» («Nat.We») и политическое «мы» («Pol.We») соответственно. В следующем примере Блэр говорит от лица правительства:

(10) FROST: (...) perhaps, we should just start with the news from yesterday of what went on in Saudi Ara-

bia, linked with al-Qaeda by some of the accounts and so on, what's the latest you know about it?

BLAIR: The latest **we** know is simply that the situation is being resolved but obviously there, there's been loss of life (...)

ФРОСТ: (...) возможно, нам следует начать со вчерашних новостей о событиях в Саудовской Аравии, которые в некоторых сводках были связаны с деятельностью Аль-Каеды. Что вам об этом известно?

БЛЭР: Последняя полученная **нами** информация – это то, что ситуация была взята под контроль, хотя, конечно, не обошлось без жертв (...)

В следующем примере мы можем обнаружить даже националистическое «мы» («Nat.We»), которое Аснар использует в попытке заручиться поддержкой испанских граждан. Марго (испанский журналист) сообщает ему, что связь между Ираком и терроризмом неочевидна, и Аснар обращается к националистическим ценностям, чтобы ответить. Он говорит об обязанности испанцев помогать другим странам, нуждающимся в их помощи, если испанцы хотят, чтобы эти страны также защитили их, если им в будущем это понадобится. Он принимает снисходительную позу:

(11) MAGRO: *Señor Aznar, usted ha insistido muchísimo en la vinculación de Irak con el terrorismo pero eh... tampoco es tan patente eso*

AZNAR: *Lo que yo he insistido e insisto mucho es que el terrorismo es nuestra principal amenaza y es la principal amenaza del mundo y un país como España no puede ser insensible a eso? Cómo vamos a pedir nosotros cooperación internacional en la lucha contra el terrorismo y cuando otros necesitan nuestra ayuda decir que nosotros no estamos dispuestos a ayudar? Eso no es posible. Cuando nosotros necesitemos, que necesitamos cooperación internacional, uando necesitamos de nuestros aliados, que necesitamos de nuestros aliados, pues podremos decir 'también hemos contribuido, no solamente hemos estado a las duras, a las maduras, hemos estado también a las duras en los momentos difíciles' (...)*

МАГРО: 'Господин Аснар, вы очень настаивали на связи между Ираком и терроризмом, но ... эта связь неочевидна

АСНАР: То, на чем я настаивал и продолжаю настаивать, – это то, что терроризм – эта основная угроза **нам** и основная угроза в мире, и страна, как, например, Испания, не может оставаться безразличной. Как **мы** можем просить о международном сотрудничестве в борьбе с терроризмом, если когда другие просят **нас** о помощи и им нужна **наша** помощь, **мы** говорим им, что **мы** не готовы помочь? Это невозможно. Если **нам** понадобится международное сотрудничество – а оно **нам** понадобится, если **нам** понадобятся **наши** союзники – а они **нам** понадобятся, **мы** сможем сказать, что «**мы** тоже участвовали, **мы** тоже прошли через все сложности, **мы** тоже прошли через весьма затруднительные ситуации» (...)

Я намереваюсь завершить настоящую статью интересным примером местоименного сдвига [подр.: Bull and Fetzer 2006; De Fina 2003]. Как объясняет Де Фина [De Fina 2003: 54] «(...) выбор и чередование местоимений отражает степень вовлеченности оратора, однако может также указывать на его представление о себе и своей роле в социуме». В следующем обмене репликами, Дэвид Фрост спрашивает Блэра об уроне, нанесенном в результате конфликта:

(12) FROST: And how much damage have **we** sustained, and how lasting damage, from all the troubled stories of what's been going on in the prisons in Iraq? I mean obviously **we're** losing the battle on the streets, Arab streets now, but how much damage have **we** sustained?

BLAIR: Well it's been damaging. Because **they** were absolutely ghastly and unacceptable and **they** revolted any normal and decent human being (...)

ФРОСТ: А какой урон был нанесен в связи со всеми рассказами о том, что происходит в тюрьмах в Ираке, и насколько продолжительны будут его последствия? Я имею в виду то, что мы проигрываем войну на улицах, теперь на арабских улицах – это очевидно; но каков урон?

БЛЭР: Урон конечно, есть. Поскольку **они** вели себя абсолютно неприемлемым образом, **они** вызвали отвращение любого нормального и достойного существа (...)

Данный вопрос является вопросом КК, так как (1) Блэр не может сказать «большой урон», поскольку такое заявление сказало бы негативным образом на его правительстве, и (2) он не может сказать «незначительный урон», поскольку всем отлично известно, насколько велик этот урон. Блэр уклоняется от прямого ответа, он лишь признает, что урон есть, но он не говорит, каковы его масштабы, а затем он начинает говорить о том, как много хорошего они сделали для Ирака. В данном обмене репликами интересно то, что Фрост настаивает на «нас» – страдальцах, а Блэр концентрируется на «них» – преступниках. Таким образом, происходит смена фокуса со страдальцев на преступников, что помогает Блэру уклониться от прямого ответа и спасти свою репутацию и репутацию своего правительства.

В заключении мы хотели бы отметить, что кросс-культурные исследования, подобные данному анализу, помогают выявить, насколько лингвистические стратегии, используемые политиками из разных стран, (1) зависят от контекстуальных факторов и (2) определяются факторами межличностных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

Bavelas Janet, Alex Black, Nicole Chovil and Jennifer Mullett. Equivocal Communication. – London, 1990.

Biber Douglas, Stig Johansson, Geoffrey Leech, Susan Conrad and Edward Finnegan. Longman Grammar of Spoken and Written English. – London: Longman, 1999.

Blum-Kulka Shoshana. The dynamics of political interviews. – 1983. Text 3. Pp. 131-153.

Brown Penelope and Stephen Levinson. Politeness. Some universals in Language Usage. – Cambridge: CUP, 1987.

Bull Peter. On identifying questions, replies, and non-replies in political interviews // Journal of Language and Social Psychology. 1994. № 13. Pp. 115-131.

Bull Peter. The Microanalysis of Political Communication. Claptrap and Ambiguity. – London: Routledge, 2003.

Bull Peter and Anita Fetzer. Who are we and who are you? The strategic use of forms of address in political interviews. – 2006. Text and Talk 26. Pp. 3-37.

Bull Peter and Mayer Kate. How not to answer questions in political interviews // Political Psychology. 1993. №14. Pp. 651-666.

Clayman Steven. Reformulating the question: A device for answering/not answering questions in news interviews and press conferences. – 1993. Text 13. Pp. 159-188.

Clayman Steven. Answers and evasions // Language in Society. 2001. № 30. Pp. 403-442.

De Fina Anna. Identity in Narrative: A Study of Immigrant Discourse. – Amsterdam: John Benjamins, 2003.

Harris Sandra. Evasive actions: How politicians respond to questions in political interviews // Broadcast Talk / Paddy Scannell (ed.). – London: Sage, 1991. Pp. 76-99.

Íñigo-Mora Isabel. On the use of the personal pronoun *we* in communities // Journal of Language and Politics. 2004. №3. Pp. 27-52.

Kamio Akio. The Theory of Territory of Information: The Case of Japanese // Journal of Pragmatics. 1994. № 21. Pp. 67-100.

Kamio Akio. Territory of information in English and Japanese and Psychological Utterances // Journal of Pragmatics. 1995. № 24. Pp. 235-264.

Kamio Akio. Territory of Information. – Amsterdam: Benjamins, 1997.

Kamio Akio. English Generic *we*, *you*, and *they*: An Analysis in Terms of Territory of Information // Journal of Pragmatics. 2001. № 33. Pp. 1111-1124.

Werner Holly. Credibility and political language // Language, power and ideology. Studies in political discourse / Ruth Wodak (ed.). – Amsterdam: John Benjamins, 1989. Pp. 115-135.

© Иньиго-Мора И., 2009
© Аникин Е.Е. (перевод), 2009